

УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И СЛОВО-ЛОГОС: ИГРА ПРОЕКЦИЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ

(Рец. на кн: Колесник І. Українська історіографія: концептуальна історія / за ред. В. Смоля. – К. : НАН України. Ін-т історії України; «Фенікс», 2013. – 566 с.)

Современный человек существует на перекрестке различных, конкурирующих, дополняющих друг друга, иногда калейдоскопических информационных слоев, которые стали непременным атрибутом стиля жизни интеллектуала в начале XXI в. Мощные мультимедийные потоки, повсечасное и глубокое погружение в виртуальное пространство, почти фантастические даже по меркам 1990-х годов объемы и темпы циркуляции информации создают впечатление иллюзорности, мимолетности, противоречивости бытия, которое часто разворачивается в виде проектируемых образов, концептов, идей. Кажется, жизнь интеллектуала протекает в непрерывной «погоне» за информацией. Эти впечатления, временами продуцируют навязчивую мысль о сплошной проектированности нынешней жизни, за хаотичностью и изменчивостью которой мы стремимся найти и постичь соответствующие модели, эпистемологические образцы, дискурсивные практики, познавательные стратегии и пр.

Такая чувственная рецепция, с одной стороны, отражает привычный эмоциональный дискомфорт, инерцию мышления и традиционные возвраты к ностальгическим пассажам о старых «золотых» временах, которые присущи практически каждому поколению. С другой стороны, она демонстрирует ту небывалую роль, которую представляет игра проекций или конструкций на современном культурном поле, охватывающем почти все сферы интеллектуального бытия. Таким образом, речь идет об исключительном значении проективного воображения в современных научных практиках, в частности в пространстве исторической науки.

С этой перспективы незаурядный интерес представляет книга известного украинского историка Ирины Колесник. За вполне академическим названием данной работы скрывается весьма своеобразное концептуальное предложение-проекция-предвидение:

какой будет / может быть / станет современная украинская историография?!

Все начиналось со слова, точнее со слова-логоса... Этот старый афоризм служит точкой отсчета, с переосмысления которого начинается нить авторских рассуждений. С легкой руки пионеров «лингвистического поворота», проблема языка историка на протяжении последних десятилетий стала неотъемлемым компонентом нынешних дискурсивных практик. Невзирая на обвинения в абсолютизации эстетичного, фигуративного или языкового историзма, которые обычно приписывают сторонникам нарративной философии истории, вопрос языкового протокола остро встает практически перед любым современным историком, хотя и во множестве обличий или вариаций, например, как тот или иной способ саморепрезентации, творческого выражения, научной коммуникации, инструментальных предпочтений и даже культурного выбора.

Впрочем, языковые практики на просторах социогуманитаристики, в частности истории, интересовали исследователей еще задолго до эры «лингвистических» или «нарративных» экспериментов. Вспомним, такие известные направления или субдисциплины, как герменевтика и история понятий, истоки которых берут начало, по меньшей мере, с раннемодерного времени, в частности тесно связаны с тогдашними риторическими, теологическими и антикварными практиками. Тем более что проблема языка историка возникла не только с перспективы последних интеллектуальных новаций (или как выражаются скептики замысловатых и причудливых поворотов научной моды), но и как старый-новый вопрос познания, хоть и в нынешнем прочтении, точнее в свете проекций современного социогуманитарного знания.

Сетка координат, сквозь которую прослеживают языковое представление мира истории, выглядит на удивление сложной, динамической и многомерной, а в чем-то многоликой и даже обманчивой. Собственно, следует вести речь не столько об установившихся координатах, сколько об общих ориентирах — масштабных революционных трансформациях и неписаных конвенциональных договоренностях, чтении и переводе, языковой культуре и понятийном сознании, интернациональности и контекстуализации, индивидуализации и чувственности и пр. Такие конфигурации не только создают эффект калейдоскопичности, мозаичности,

многослойности современного научного языка, но и продуцируют специфические представления, например, образ многоликого и, в то же время, почти неуловимого Януса, с которым поневоле ассоциируются языковые практики современных ученых, в частности историков. Не случайно нынешние тексты часто напоминают своеобразные «языковые лабиринты» с очень запутанными, противоречивыми и скрытыми смыслами, которые почему-то постоянно диссонируют с привычным и несколько приземленным предметным миром.

Базовой конструкцией книги И. Колесник является идея концептуальной истории, которая разворачивается на фоне интеллектуальных и коммуникативных контекстов языка историка как специфической и даже уникальной «языковой личности». Проективное предложение автора охватывает 35 базовых понятий, которые имеют многочисленные и разветвленные производные определения. Они структурированы и оформлены в пяти основных блоках: 1) историографические понятия («историографический факт», «историографическая ситуация» и др.); 2) науковедческие дефиниции, которые возникли в области социологии и философии науки («образ науки», «стереотип», «рефлексия» и пр.); 3) культурологические категории («идентичность», «историческое сознание», «ментальность»); 4) постмодернистские концепты, например «нарратив», «деконструкция», «дискурс», «интертекстуальность» и т. п.; 5) общие категории социогуманитаристики — «интеллектуальное содружество», «карьеря», «культурная память», «ментальные карты», «междисциплинарность», «поворот» и пр.

Заметим, что речь идет о концептах с весьма различным «родовым» происхождением: от термина «рефлексия», который встречаем еще в трудах английского философа и политика XVII ст. Джона Локка, до понятия «дискурс» – одного из наиболее известных конструктов постмодернистских исследовательских стратегий, который, как правило, отождествляется с французским интеллектуалом Мишелем Фуко и русским философом Михаилом Бахтиным. Впрочем, часть терминов (историографических, науковедческих, отчасти культурологических) достаточно интенсивно циркулировала еще на поле советской социогуманитаристики 1950-х – 1970-х годов. Вспомним, например, известные предпочтения в области историографической терминологии русского историка М. Нечкиной,

которые в той или иной мере представлены в исследовательских практиках разных ученых и ныне. В то же время постмодернистские новации и общие категории гуманитарных и общественных дисциплин вошли в широкий научный оборот преимущественно на протяжении 1990-х – 2000-х годов.

Не случайно тезаурус, предложенный И. Колесник, кажется достаточно пестрым и сегментированным, по крайней мере, на первый взгляд. Но самое главное то, что этот словарный компендиум представлен как целостное, хоть и неоднородное, предложение, и даже как своеобразная конфигурация разнообразных способов репрезентации современного украинского историописания. В широком смысле такой подход предлагает не только определенные инструментальные возможности, исследовательские стратегии, но и продуцирует ряд культурологических, онтологических и аксиологических смыслов.

Собственно говоря, «концептуальная история» И. Колесник демонстрирует трансформации, развернувшиеся в терминологической плоскости украинского историописания, которое длительное время существовало в имперском, советском и постсоветском культурном пространстве. К их числу можно отнести хорошо известные терминологические связки, такие как «историографический факт» и «историографический источник», которые функционировали в пределах советского историописания. Последние навязывают достаточно своеобразные коннотации, которые в той или иной мере восходят к известным дискуссиям о «первичных» и «вторичных» фактах / источниках и их иерархиях в свете социогуманитарного знания начала XX ст.

Отметим, что циркуляция определенных концептов рассматривается автором как следствие разнообразных познавательных ситуаций. Кстати, понятие «методология», которое преимущественно связывают с известным немецким историком И.-Г. Дройзеном, трактуется в контексте многочисленных инструментальных и культурологических трансформаций социогуманитаристики на протяжении всего XX в. Центральное место отводится методологическому кризису начала XX в., в русле которого возникает ряд интересных предложений в пространстве социогуманитаристики (неокантианство, неомарксизм, фрейдизм, презентизм, эмпиризм, феноменология, морфология всемирной истории и культуры и пр.). В то же время разнообразные

смыслы методологии, которые появляются во второй половине XX ст., выстраиваются в духе генерального рефрена «молчаливой революции», очерчивая многочисленные концепции, тяготеющие к аналитической философии истории.

В аналогичном ключе И. Колесник представляет и ряд науковедческих дефиниций: «образ науки», «образ историка», «научная революция», «кризис науки», «научный поворот», «рефлексивная модель историографии», «стереотип», «стиль научного мышления» и др., которые имеют специфические украинские проекции. Таким образом, историография рассматривается не как история общественной мысли или самостоятельная наука / дисциплина, а как самобытный рефлексивный уровень исторической науки.

Например, автор вспоминает о дидактической или университетской концепции возникновения / зарождения историографии, которую предложила известный русский историк Р. Киреева. Очевидно, такое концептуальное предложение в значительной степени связано с влияниями ее наставницы – академика М. Нечкиной.

Ряд понятий, представленных в книге И. Колесник, рассматривается в свете разнообразных ракурсов. К примеру, дефиниция «стиль научного мышления» представлена как результат науковедческих, так и культурологических устремлений ученых. В частности, этот концепт рассматривается, как своеобразный маркер когнитивного сознания, хотя в смысловом отношении он сопоставим с рядом других терминов – парадигма, паттерн, канон научной деятельности и т. п. В то же время автор рассуждает о разнообразии и связи тех или иных стилевых форм в пространстве социогуманитаристики: универсальный стиль мышления, корпоративно-групповой или профессионально-групповой стиль мышления со специально-предметным полем, индивидуальный или персональный стиль мышления ученого и пр.

Таким образом, проводится мысль об амбивалентной природе индивидуального стиля – научной и аксиологической. Более того, ряд исследователей (причем не только гуманитариев, но и физиков и математиков!) уподобляют персональный стиль мышления ученого неповторимому «почерку», который прослеживается как в текстах, так и в научных практиках и даже в экспериментальных опытах.

Согласно тезаурусу И. Колесник, к числу науковедческих понятий принадлежит и термин «научная школа», хотя последний все чаще навязывает не столько когнитивные смыслы, сколько

культурологические коннотации. Тем более что со второй половины XX в. культурологическая экспансия и антропологические интенции в сфере науковедения становятся ведущими тенденциями в конструировании и представлении истории науки. Эти устремления все больше прослеживаются в терминологии, связанной с неформальной институционализацией науки – направления, школы, течения, кружки, группы, творческие тандемы и пр. Некоторые из этих понятий (направление, школа, течение) часто употребляются как тождественные, или, по крайней мере, сопоставимые дефиниции на поле разнообразного предметного материала, хоть и с акцентуацией на их различиях по уровню всеобщности и продуцируемым смыслам. Отметим, что определенные отголоски западных дискуссий, хоть и в урезанном и искаженном виде прослеживаются в советской социогуманитаристике 1970-х–1980-х годов, в частности в известных текстах М. Ярошевского.

По мнению И. Колесник, плодотворным подходом к ранжированию указанных терминов является использование понятия «научная школа» как идеального конструкта в исследовательских практиках, что позволяет не только очертить ее ведущие черты, но и коснуться проблем схолярной идентичности (своеобразной саморефлексии ученого) и группового самосознания историков. Такой подход существенно нюансирует привычную палитру неформальной институционализации украинской исторической науки, к которой добавляются не только важные оттенки со своеобразной игрой того или иного цвета, но и новейшие способы репрезентации, в частности с перспективы «действующих» поколений в духе К. Манхайма и Х. Ортеги-и-Гассета, теории сетевых коммуникаций и пр.

Проективное предложение И. Колесник содержит и ряд культурологических понятий – идентичность, интеллект, двоекультурие, ментальность и даже историческое сознание. Исключительное место в этом культурологическом блоке занимает категория «идентичность», которая имеет чрезвычайно пестрое семантическое поле и продуцирует амбивалентные смыслы. Поэтому идентичность рассматривают как базовый элемент субъективной реальности. В украинской культурной и интеллектуальной истории идентичность как понятие-инструмент связано не только с известной проблематикой цивилизационного перекрестка, культурной

принадлежности, которую большей частью позиционируют в виде известной дихотомии окцидентализм / ориентализм, но и с проблемой конкурирующих, плавающих, дополняющих или взаимоисключающих лояльностей. Не случайно автор вспоминает о концепте «кризис идентичности», который отображает размывание привычных смыслов и коллизию традиционных предметных значений. Кроме того, И. Колесник предлагает известные типологии и классификации идентичности, которые представляют различные способы / каналы / источники социализации — семейная (родовая), территориальная (локальная), классовая, религиозная, политическая, национальная, этническая и общечеловеческая идентичность.

Характерная черта концептуального предложения И. Колесник прослеживается в том, что термин «историческое сознание» представлен как культурологическое понятие, в частности в свете метаморфоз исторического времени. Отметим, что целый ряд интеллектуалов трактует «историческое сознание», как с перспективы истории и философии науки, т. е. науковедения, так и социогуманитаристики, например истории общественной мысли. Такая репрезентация «исторического сознания» связана с нынешними терминологическими мутациями, которые разрушают границы привычного дисциплинарного знания.

Другая интересная терминологическая новация в книге И. Колесник проступает в осмыслении понятия «интеллектуал», которое автор связывает с многообразными культурными смыслами и употребляемыми контекстами. Собственно, речь идет о разнообразных культурно-национальных типологиях интеллектуалов, особенностях их духовной и научной жизни, тех или иных персональных состояниях, которые они переживают в определенный период своей биографии. Этот переход от продуцирования культурных смыслов к представлению состояний бытия или психологических, эмоциональных, чувственных измерений существования, точнее демонстрация Инакости известных ученых и мыслителей (невротизм, сексуальная идентичность и т. п.) на фоне жизни их современников отображает заметное влияние постмодернистских практик.

Особое место в авторском тексте занимают концепты постмодернизма, такие как гранд-нарратив, деконструкция, дискурс, нарративная философия истории, нелинейное письмо,

НЛП (нейролінгвистическое программирование) и пр. Обычно постмодернизм связывают с культурными или интеллектуальными экспериментами и устремлениями последних десятилетий XX ст.

Впрочем, интеллектуальные настроения, которые предвещали / пророчили конец Модерна, бытовали еще в канун Первой мировой войны. Именно в текстах интеллектуалов начала XX в. отыскивают будущий ключевой концепт – Постмодерн. Некоторые его предтечи прослеживаются и в области нарративной философии истории. Например, Х. Уайт в свое время неоднократно вспоминал русского ученого В. Шкловского – одного из ведущих представителей и теоретиков формальной школы в литературоведении 1920-х годов. Эти наблюдения перекликаются с известными замечаниями Ж.-Ф. Лиотара о том, что постмодернизм на протяжении длительного времени вызревал в пределах модернистской культуры.

Постмодернистские концепты, как и другие терминологические блоки, представлены в книге И. Колесник на перекрестке исследовательских стратегий украинского историописания и мировой социогуманитаристики, например, классического гранд-нарратива М. Грушевского, многоликих конфигураций разных версий «большого текста» на протяжении 1990-х годов и т. п. В то же время автор считает возможным возрождение современного гранд-нарратива с перспективы герменевтики и синергетики, в частности в русле представлений нелинейной истории – неустановившегося, прерывного, дискретного прошлого. Такие размышления о моделях нелинейной истории продуцируют определенные параллели с известными идеями украинского историка Б. Крушницького о «спазмах», «скачках», «разрывах» и «толчках» в концептуализации истории, представленные в его текстах второй половины 1940-х–начала 1950-х годов.

Еще один интересный терминологический блок, который И. Колесник позиционирует как категории неорационализма, состоит из таких понятий, как интеллектуальное содружество, карьера и биографические профили историка, междисциплинарность, ментальное картографирование, сетевая модель науки, историческая память, поворот к материальному и пр. Отметим, что неорационализм как направление в философии и истории науки сложился на протяжении первой половины XX ст., хотя в настоящее время его все чаще рассматривают как своеобразную альтернативу постмодернизму.

Поэтому ряд концептов неорационализма не только получили новую жизнь на переломе XX и XXI ст., но и стали претендовать на роль ориентиров для конструирования новейших образов науки, которые ассоциируются с другой реальностью, метафорически нареченной «реальностью второй степени». Например, своеобразными образцами такой сконструированной «реальности» являются ментальные карты и ментальное картографирование.

С подобной перспективы И. Колесник предлагает и разнообразные определения и типологии интеллектуальных содружеств, биографических профилей историка, карьерных моделей и т. п. В целом авторское предложение содержит немало интересных возможностей для репрезентации, описания и объяснения различных состояний интеллектуала, исследователя, личности на перекрестке культурных слоев, напряжения и метаморфоз внутреннего бытия мыслителей и ученых, индивидуальных, коммуникативных, сетевых и групповых изменений многообразных научных практик.

Концептуальная история И. Колесник не предоставляет универсальных рецептов конструирования и репрезентации, а также не выстраивает галерею однотипных и всеохватывающих образов украинского историописания. Наоборот, речь идет о разнообразных, многомерных, динамических и даже калейдоскопических проекциях современного социогуманитарного знания на поле украинской историографии, которые должны возбудить творческое воображение и инициировать креативные повороты мышления нынешних историков.

Таким образом, именно терминологические проекции И. Колесник очерчивают широкий, многоликий горизонт возможностей и перспектив конструирования и репрезентации украинской исторической науки и, в то же время, составляют самое ценное достижение ее интересной и своеобразной работы.

Ясь Алексей